

**Фиксация шорских синтетических и аналитических форм в процессе их развития
в записях шорского эпоса В.В. Радлова**

Аннотация. В статье рассматривается становление шорских форм настоящего времени и форм императива первого лица неединственного числа на материале фольклорных записей В.В. Радлова, сделанных в середине XIX в. Формы настоящего времени развиваются путем синтеза аналитических форм глагола; переходные стадии этого процесса можно наблюдать на материалах 150-летней давности. Как показывают радловские фиксации, инклюзивные императивные формы первого лица неединственного числа шорского языка пережили ряд циклов развития.

The paper describes processes of development of Shor present tense forms and imperative non-singular forms of the first person on the material of V. V. Radlov's recordings of Shor epic texts in the middle of the nineteenth century. Synthetic present tense forms develop from analytical biverbal constructions, intermediate stages of this process were documented by V. V. Radlov. His materials also show that Shor non-singular inclusive imperative forms of the first person have witnessed a few cycles of their development.

Ключевые слова: историческое языкознание, шорский язык, синтез аналитических конструкций, инклюзивные формы императива.

Historical linguistics, Shor, synthesis of analytical constructions, inclusive imperative forms.

УДК: 811.512; 81-112.2.

Контактная информация: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Институт филологии СО РАН, сектор языков народов Сибири. Тел./факс: (383)330-14-52. Франкфуртский университет, Институт эмпирического языкознания, почтовый ящик 171 PF 11 19 32, D-60054 Frankfurt a.M. E-mail: nevskaya@em.uni-frankfurt.de.

Для сибирской тюркологии значение работ В.В. Радлова невозможно переоценить. Ему мы обязаны самыми первыми изданиями данных по многим сибирским языкам, или, как он их называл, наречиям – телеутскому, чалканскому, шорскому и т.д. [Radloff 1866], многие из которых сегодня уже исчезают.

Радловские публикации фрагментов восьми шорских эпических сказаний в 1866 г. являются для шорского языкознания уже историческим источником. Они показывают пути развития шорского языка и его диалектов за этот период времени, что для бесписьменного языка, каким и был шорский язык большую часть этого времени, очень немало. Предварительно нужно сказать, что мы говорим о шорском языке и его диалектах, и этим мы тоже обязаны В.В. Радлову, который впервые назвал достаточно далекие тюркские наречия Кузнецкого бассейна шорским языком по имени наиболее многочисленного клана. Однако, в соответствии с точкой зрения историко-этимологических исследований тюркской семьи языков, два основных диалекта шорского языка – кондомский и мрасский, на которых говорит соответственно шорское население бассейнов рек Кондома и Мрас-Су, точнее было бы называть отдельными языками. Мы все же придерживаемся традиции, заложенной В.В. Радловым, и говорим о шорском языке как о чем-то едином, но мы должны иметь в виду, что многообразие грамматических форм и лексические расхождения между его «диалектами» во многом предопределяются его исконно неоднородным составом.

Важно также отметить, что В.В. Радлов использовал разработанную им транскрипцию на базе в основном кириллицы с добавлением ряда латинских и фонетических знаков. Достаточно сказать, что он различал 17 гласных звуков и использовал соответственно 17 символов для их обозначения. Тем самым его записи отличаются большой фонетической точностью и передают со значительным приближением звучание шорской речи 150 лет тому назад. Мы далее используем его нотацию для шорских языковых иллюстраций, взятых из его публикаций. Мы не помечаем эти примеры дополнительно, все они взяты из вышеупомянутого издания [Radloff 1866].

Язык записанных им сказаний стоит в центре нашего внимания в данном исследовании. Мы в первую очередь обратимся к радловским материалам по шорской форме настоящего времени, а затем рассмотрим шорские формы императива первого лица множественного числа, встречающиеся в его текстах. Последние довольно редки, поэтому мы не претендуем на полноту описания данной категории на основании этих текстов.

2. Формирование показателя настоящего времени в шорском языке

Шорская форма настоящего времени на *-(n)ча*, восходящая к аналитической конструкции *-n чат-* с участием вспомогательного глагола *чат-* ‘лежать’, ‘жить’ и так называемого соединительного дее-

причастия $-(X)n^1$ [Дыренкова 1941; Курпешко, Широбокова 1991], в современном языке полностью синтезировалась, хотя и еще не является гармонирующей в большинстве говоров и диалектов современного шорского языка: *парча* ‘он идет’, *перча* ‘он дает’. В материалах позапрошлого столетия мы отмечаем аналитическую конструкцию *-n чат-*, которая еще не прошла этап синтеза, хотя и показывает следы фонетической и морфемной редукции: *äzärlän чадыр* ‘он седлает (коня)’, где вспомогательный глагол *чат-* получает оформление аффиксом общетюркского аориста $-(X)p$, 3-е л. субъекта не выражено отдельным аффиксом лица; аналогично: *парып чад-ыр-зыу* ‘ты едешь’, где для обозначения лица деятеля используется личный аффикс 2-го л. ед. ч.; сравните: *пол чар-ым* ‘я существую’, где *чар-ым* восходит к *чад-ыр-ым*, т.е. интервокальный *-д-* выпал, а гласные стянулись на стыке основы и временного показателя. В качестве промежуточной стадии этого стяжения выступает долгий гласный: *сыктап чār* (из *сыктап чад-ыр*) ‘он плачет’, *кāl чār* (из *кāl чад-ыр*) ‘он приходит’, *мүн чār* (из *мүн чад-ыр*) ‘он садится на коня’.

В отдельных сказаниях вспомогательный глагол присутствует и в стяженном и в нестяженном видах, видимо, бесписьменный статус языка позволял широкую вариативность форм, что и в современном шорском языке еще сохранилось как диалектное явление. По нижнему течению реки Кондомы мы находим менее стяженные формы данного показателя настоящего времени, а в нижнем течении реки Мрас-Су более распространены стяженные формы, которые приняты за литературную норму. Так, у Радлова форма 3-го л. ед. ч. настоящего времени в одном и том же тексте выступает в следующих вариантах: *чүзүр чары* ‘он бежит’, *кālчār* ‘он приходит’, *aim чадыр* ‘он говорит’. Как видим, слитное написание этого показателя в отдельных случаях, а также то, что он гармонирует с лексической основой, говорят о том, что процесс грамматикализации и синтеза аналитической конструкции *-n чат-* практически завершился, но наряду с такими формами присутствуют и намного менее синтезировавшиеся. Гармонирующие с лексической основой формы показателя настоящего времени сохранились в отдельных говорах и сегодня, так что можно примерно определить места, где записаны соответствующие тексты: *кāl чār* ‘он приходит’.

Тем самым мы можем наблюдать, как идет процесс формирования синтетического показателя настоящего времени в шорском языке, что повлекло значительную перестройку всей системы аспектуально-временных форм шорского языка, в частности, то, что аорист ушел в сферу будущего времени, а его место заняла вновь синтезировавшаяся форма настоящего времени, которая в современном шорском языке может выражать значения и актуального и неактуального настоящего. Первоначально, видимо, она специализировалась на выражении именно актуального времени, в то время как форма аориста имела широкий спектр значений, в том числе и значение неактуального настоящего времени. Оппозиция форм актуального и неактуального настоящих времен в некоторых диалектах шорского языка была возобновлена из различных источников [Nevskaya, Šalamaj 2009]. В литературном языке функцию актуального настоящего постепенно перенимают формы процессуальных акционсартов $-(X)n одур-$ (из *одур-* ‘сидеть’), $-(X)n тур-$ (из *тур-* ‘стоять’), $-(X)n чөр-$ (из *чөр-* ‘ходить’) в форме на $-(n)ча$. Однако в этом морфемном комплексе они все еще сохраняют свою акционсартную семантику ($-(X)n одур-$ – неинтенсивность действия, $-(X)n тур-$ – интенсивность действия, $-(X)n чөр-$ – динамичность действия, при котором его исполнитель находится в состоянии движения, тем самым глагол *чөр-* является тут наименее грамматикализированным) [Курпешко, Широбокова 1991]. Частотность комплекса $-(X)n одурча$ по сравнению с его конкурентами (формами $-(X)n турча$ и $-(X)n чөрча$) является, по нашему мнению, предпосылкой для его возможного становления как формы актуального настоящего в будущем, что, разумеется, может вновь вызвать реорганизацию всей аспектуально-временной системы шорского языка. Цикличное возобновление форм актуального настоящего, или, по терминологии Ларса Йохансона, фокальных интратерминальных форм, отмечается для многих тюркских языков, как и возобновление форм перфекта (или фокальных посттерминальных форм) [Johanson 1971, 1976, 1994].

¹ Мы используем традиционное для тюркологии архиморфемное представление аффикса, где *X* обозначает гласную *a* в аффиксе после основ с задними неогубленными гласными, *y* после основ с задними огубленными гласными, *e* после основ с передними неогубленными гласными, *y̆* после основ с передними огубленными гласными. *A* обозначает гласную *a* в аффиксе после основ с задними гласными и *e* после основ с передними гласными. В тюркских языках и диалектах с сильно развитой лабиальной гармонией гласных *A* обозначает гласную *a* в аффиксе после основ с задними неогубленными гласными, *o* после основ с задними огубленными гласными, *e* после основ с передними неогубленными гласными и *ö* после основ с передними огубленными гласными. *I* обозначает гласную *y* в аффиксе после основ с задними гласными и *u* после основ с передними гласными. Гласная в круглых скобках () выпадает после основ на гласную. Согласная в круглых скобках () выпадает после основ на согласную. *K* обозначает согласную *ç* в сочетании с задними гласными и *k* в сочетании с передними гласными. *L* в шорском языке обозначает согласную *l* после основ на гласные или на звонкие согласные *p, l, й, ç; n* после основ на назальные сонанты *m, n, ŋ; t* после основ на глухие согласные.

3. Формирование инклюзивных повелительных форм в шорском языке

Следующие исторические формы шорского языка, которые зафиксированы в радловских текстах – это формы 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения *-АлI* и *-АлХК*, которые, как показывают контексты их употребления, относятся к двум участникам речевого общения – говорящему и адресату, т.е. являются инклюзивными [Nasilov, Isxakova, Safarov, Nevskaya 2001; Nevskaya 2005], сравните: *күрөш уруш көрөлі!* ‘Давай мы с тобой поборемся!’ и *уруш көрөлүк!* ‘Давай мы с тобой поборемся!’ Такие формы в типологической литературе называются минимальными инклюзивными [Nevskaya 2005]. В современном шорском языке эти формы не используются, но в нем имеются другие формы минимального инклюзива *-ААу* и *-ААК*, различающиеся по шорским диалектам, а также и расширенного инклюзива *-ААуАр* и *-ААКтАр*, относящиеся к говорящему и адресату и третьим лицам или к говорящему и адресатам: *уруш көрееу!* ‘Давай мы с тобой вдвоем поборемся!’ и *уруш көрееуер!* ‘Давайте мы все вместе поборемся!’

В тюркских языках, имеющих синтетические формы минимального и расширенного инклюзива, расширенный инклюзив строится по образцам, описанным Клаусом Шенигом [Schönig 1987]. Первый структурный образец, аддитивный, используется в якутском, тофаларском, тувинском и туркменском: форма расширенного инклюзива состоит из формы минимального плюс императивный формант 2-го л. мн. ч. (т.е. *мы+вы*), сравните в якутском: *-ЫАх* (минимальный инклюзив) и *-ЫАГ+Ху* (расширенный; *-Ху* – императивный показатель 2-го л. мн. ч.); или же к аффиксу минимального императива добавляется аффикс 1 л. мн. ч. *-К*, использующийся, например, в огузских языках.

Тюркские языки Алтая и Саян (хакасский, шорский, алтайский и его разновидности), а также чуйский используют мультипликативную модель образования расширенного инклюзива: к аффиксу минимального инклюзива здесь добавляется показатель множественности *-ЛАр* (т.е. *мы+мы*), см. вышеприведенные шорские примеры.

В процессе исторического развития некоторых тюркских языков формы расширенного инклюзива несколько раз обновлялись [Nasilov, Isxakova, Safarov, Nevskaya 2001]. Это обновление шло по следующей схеме: форма минимального инклюзива плюс формант расширенного инклюзива (показатель 2-го или 1-го л. мн. ч. или показатель множественности) давали форму расширенного инклюзива. Далее прежний показатель минимального инклюзива выходил из употребления, а его место занимал показатель расширенного инклюзива, который, переосмысливаясь как минимальный инклюзив, в свою очередь становился базой для образования новой формы расширенного инклюзива. На каких-то этапах развития языка несколько форм минимального и расширенного инклюзива существовали параллельно благодаря диалектным различиям или еще неполному переходу от прежней оппозиции к вновь образованной.

Именно это состояние в шорском языке и документируют радловские тексты. Мы предполагаем, что форма *-АлI* выступала как форма минимального инклюзива, а форма *-АлХК* была первоначально расширенной инклюзивной, образованной от нее по первой модели, т.е. добавлением аффикса 1-го л. мн. ч. *-К* в одном из шорских диалектов; она стягивалась, давая современную форму минимального инклюзива *-ААК*. От той же формы *-АлI* в другом шорском диалекте образуется форма расширенного инклюзива *-ААу* путем добавления аффикса *-Ху*.

В какое-то время форма *-АлI* становится менее частотной и постепенно выходит из употребления, сохраняясь, однако, в отдельных диалектах параллельно с формами расширенного инклюзива. Когда она окончательно исчезает, то прежние формы расширенного инклюзива переосмысливаются как формы минимального и сами в свою очередь становятся базой для образования форм расширенного инклюзива уже путем добавления аффикса множественности. Оппозиция снова восстанавливается. В то время, когда В.В. Радлов записывал данные шорские тексты, *-АлI* и *-АлХК* существовали в разных диалектах, имеющих, видимо, разную динамику развития, как формы минимального инклюзива, хотя вторая форма, более сложная по своему морфемному составу, первоначально была, видимо, формой расширенного инклюзива, но на тот момент в данном локальном варианте шорского языка уже сама воспринималась как форма минимального инклюзива.

Тем самым в текстах, задокументированных В.В. Радловым, мы можем проследить развитие ряда грамматических категорий современного шорского языка.

Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка: Монография. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.

Курпейко Н.Н., Широкова Н.Н. Бивербальные конструкции с глаголами бытия -п чат, -п одур, -п чөр в шорском языке: Учеб. пособие. Кемерово: КузПИ, 1991. 74 с.

Михайлова Н.И. Формы побуждения в шорском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1997. 24 с.

- Johanson L.* Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. (Studia Turcica Upsaliensia 1): Монография. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1971. 334 с.
- Johanson L.* Zum Präsens der nordwestlichen und mittelasiatischen Türksprachen // Acta Orientalia. 1976. № 37. С. 57–74.
- Johanson L.* Türkeitürkische Aspektotempora // Tense systems in European languages / R. Thieroff, J. Ballweg. Tübingen: Niemeyer, 1994. С. 247–266.
- Nasilov D.M., Israkova X., Safaro, Š., Nevskaya I.A.* Imperative sentences in Turkic languages // Typology of imperative sentences / V.S. Xrakovskij. München: Lincom Press, 2001. С. 181–220.
- Nevskaya I.* Inclusive and exclusive in Turkic languages. Chapter 12. // Clusivity. Typology and case studies of the inclusive-exclusive distinction. (Typological Studies in Language, 63) / E. Filimonova. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. С. 341–359.
- Nevskaya I., Šalamaj O.* Renewal of focal intraterminals in Shor dialects // Turkic languages. 2009. Volume 13, Number 1. С. 61–78.
- Radloff W.* Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens (= Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи: В 7 т. СПб., 1866–1896.
- Radloff W.* Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. Th. I: Phonetik. Leipzig: T. O. Weigel, 1882. 326 с.
- Radloff W.* Versuch eines Wörterbuches der Türkdialecte: (В 8 т.). СПб., 1888–1911.
- Schönig C.* Diachronic and areal approach to the Turkic imperative paradigm // Utrecht Papers on Central Asia. (Utrecht Turcological Series 2) / M. van Damme, H. Boeschoten. Utrecht: Institute of Oriental Languages, 1987. С. 205–222.

Мальцева А.А.

Комитативные формы и конструкции в чукотско-корякских языках²

Аннотация. В статье рассматриваются функции и частотность комитативных форм и конструкций в трех языках чукотско-корякской семьи (чукотском, корякском, алуторском) от начала документации этих языков до настоящего времени. Материалом исследования послужила выборка из оригинальных и переводных опубликованных текстов, фольклорных и бытовых архивных и собственных экспедиционных записей, а также газетных текстов. Выявлено, что под влиянием русского языка в чукотском и корякском языках частотность аналитических комитативных конструкций возрастает. Наряду с ростом аналитизма во всех чукотско-корякских языках наблюдается общее разрушение функционального распределения форм и конструкций: как синтетические комитативные формы, так и аналитические конструкции начинают использоваться в прежде несвойственных им функциях, в рамках комитативных циркумфиксов появляются контаминации префиксов и постфиксов, отсутствовавшие в исконной системе, комитативные синтетические формы комбинируются с адпозитивным наречием.

The article examines functions and frequency of the comitative forms and constructions in the three languages of the Chukchi-Koryak family (Chukchi, Koryak, Alutor) from the beginning of their documentation to date. Data sampling includes original and translated published texts, folklore archival and own field data, as well as newspaper texts.

Under the Russian influence in Chukchi and Koryak the frequency of analytic comitative constructions increases. Along with this process, in all Chukchi-Koryak language the general destruction of the functional distribution of the comitative forms and constructions is taking place: both synthetic form and analytical constructions are being used in the above non-core functions, there are new prefixes and suffixes contaminations within comitative circumfix, comitative forms can combine with adpositions.

Ключевые слова: чукотско-корякские языки, грамматика, комитатив, послелог, адпозитивное наречие, языковые контакты.

Chukchi-Koryak languages, grammar, comitative, postposition, adposition, language contacts.

УДК: 811.551+81'367.

Контактная информация: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8, Институт филологии СО РАН, сектор языков народов Сибири. Тел.: (383) 330-84-69. E-mail: alla.maltseva@mail.ru.

Чукотско-корякские языки обладают богатой подсистемой средств выражения комитативности: в каждом языке имеется несколько синтетических комитативных форм, а также, в зависимости от языка,

² Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (2012–2014 гг.). Направление 4 «Тексты традиционной культуры в перспективе культурной эволюции». Проект «Пути развития младописьменных языков Сибири и Дальнего Востока и их отражение в фольклоре и художественной литературе» (руководитель д-р филол. наук Н.Н. Широкова).